

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

БЭЛА

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел. 5

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные 10

-
- 1 **я ехал на перекладных**: ik reisde per postkoets.
вся поклажа моей тележки: alle bagage van mijn karretje; тележка is dim. v. телега.
- 2 **состояла из одного небольшого чемодана**: bestond uit één kleine koffer.
- 3 **набит путевыми записками**: volgestopt met reisverslagen.
- 4 **часть... потеряна**: een deel is verloren gegaan.
- 6 **прятаться за снеговой хребет**: schuil gaan achter de sneeuwkam.
- 7 **Осетин-извозчик**: de Ossetische voerman.
неутомимо погонял лошадей: onvermoeibaar zweepte hij de paarden op.
- 8 **до ночи взобраться**: vóór de nacht bereiken.
- 9 **Койшаурскую гору**: daarmee wordt de pas bedoeld.
во все горло: lett. uit heel de keel, vert. uit volle borst.
- 11 **красноватые скалы**: roodachtige rots(partij)en.
обвешанные зеленым плющом: behangen met groene klimop.
- 12 **увенчанные купами чинар**: bekrond met de kruinen van platanen.
исчерченные промоинами: lett. bekrast met gleuven, vert. waarin
-

промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безыменной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

5 Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и
10 гололедица, – а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За мою тележкую четверка быков тащила другую как ни в
15 чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху наложена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет
20 пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился: он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

1 **золотая бахрома снегов**: gouden franje van sneeuw.

2 **обнявшись**: eig. 'zich omhelzend', vert. hier 'samenvloeiend'.

безыменной: безыменный - naamloos.

речкой: речка - riviertje.

3 **вырывающейся**: вырываться - losbreken.

ущелья: ущелье - nauwte, kloof.

тянется: voortglijdt.

4 **серебряною нитью**: als een zilveren draad.

змея своею чешуею: een slang met zijn schubben.

5 **подошве**: подошва - voet (v.e. berg).

6 **возле духана**: bij de herberg.

грузин: грузины - georgiërs.

7 **для ночлега**: voor een nachtelijk bivak.

– Мы с вами попутчики, кажется?
Он молча опять поклонился.

– Вы, верно, едете в Ставрополь?
– Так-с точно... с казенными вещами.
– Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку 5
четыре быка тащат шутя, а мою, пустую, шесть скотов едва
подвигают с помощью этих осетин?
Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

– Вы, верно, недавно на Кавказе?
– С год, – отвечал я. 10
Он улыбнулся вторично.

– А что ж?
– Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они
помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат?
Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они 15
крикнут по-своему, быки все ни с места... Ужасные плуты! А
что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих...
Избаловали мошенников! Увидите, они еще с вас возьмут на
водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

– А вы давно здесь служите? 20
– Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче1, – отвечал
он, приосанившись. – Когда он приехал на Линию, я был
подпоручиком, – прибавил он, – и при нем получил два чина
за дела против горцев.

– А теперь вы?.. 25
– Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы,
смею спросить?..
Я сказал ему.

Разговор этим кончился и мы продолжали молча идти друг
подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце 30
закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как
это обыкновенно бывает на юге; но благодаря отливу снегов
мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору,
хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в
тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз 35
оглянулся на долину; но густой туман, нахлынувший волнами

из ущелий, покрывал ее совершенно, ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрикнул, что они вмиг разбежались.

5 – Ведь этакий народ! – сказал он, – и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его
10 полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что оно
15 гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное
20 побрякиванье русского колокольчика.

– Завтра будет славная погода! – сказал я. Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас.

– Что ж это? – спросил я.

25 – Гуд-гора.

– Ну так что ж?

– Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки – облаков, а на вершине лежала черная туча,
30 такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей, и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег.
35 Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

– Нам придется здесь ночевать, – сказал он с досадою, – в

такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? – спросил он извозчика.

– Не было, господин, – отвечал осетин-извозчик, – а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник – единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу. 5

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал, куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, 10 которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество 20 детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

– Жалкие люди! – сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то остолбенении. 25

– Преглупый народ! – отвечал он. – Поверите ли? ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой 30 охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно осетины!

– А вы долго были в Чечне?

– Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода, – знаете? 35

– Слышал.
